

ство германских земель (см. «Дети и внуки Карла Великого» на с. 1-626) и начиналась эволюция в оттонов-ской системе политического господства (см. «*Оттон I*»), происходили венгерские вторжения, появлялись новые политические силы в западославянском мире. Общество, в котором зарождался культ, было знакомо с христианством и миссионерской деятельностью, однако его религиозное преобразование носило точечный, не систематический характер. Поддержка духовенства исходила главным образом со стороны княжеской династии, во всяком случае житийная традиция приписывает предкам Вацлава и самому убитому князю основание ряда храмов, располагавшихся, видимо, на княжеских дворах. Сложно сказать, насколько последовательными приверженцами новой веры были первые Пржемысловцы, однако с большой уверенностью можно предположить, что их окружение и значительная часть населения были лишены признаков даже внешней христианизации.

Скудность достоверных свидетельств о реальном князе контрастирует с яркостью представления его образа в агиографии и чешской средневековой историографической традиции. Вацлавские жития составляют обширный цикл, а отдельные произведения создавались на протяжении всего Средневековья. Хотя житийный образ святого менялся с течением времени, отражая общие тенденции эволюции средневековых представлений о святости, религиозных и социальных моделей, можно выделить ряд общих мотивов вацлавской традиции. Вацлав

представлен как образцовый христианин, приверженный самым жестким нормам аскезы. Образ «монаха на троне» возник в самых ранних житиях (последняя треть X в.) и более или менее последовательно воспроизводился последующими текстами. Вместе с тем, Вацлав представлен и как идеальный христианский правитель, заботящийся о религиозном развитии своей страны, осуществлении правосудия, защите народа и земли от внешней угрозы. Изображение Вацлава как идеального правителя и воина,